

О «новых» методах изучения истории русской философии

А. В. Малинов¹, Т. Оболевич²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7–9

² Папский университет Иоанна Павла II в Кракове, Республика Польша, 31-002, Краков, ул. Канонича, 9

Для цитирования: Малинов А. В., Оболевич Т. О «новых» методах изучения истории русской философии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 2. С. 285–296. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.205>

В статье рассматриваются методы историко-философского исследования, редко применяемые в современных работах по истории русской философии: метод историко-философской реконструкции, метод реактуализации/маргинализации философского контента, интеркультурная методология (философия полилога), биографика и методы просопографии. Показываются специфика каждого метода, его место в исследовательской практике, эвристичность для истории русской философии, значение для наращивания историко-философского знания. Актуальность применения «новых» методов обосновывается завершением (в целом) периода переиздания основных текстов русских мыслителей, активным освоением архивов и введением в научный оборот «маргинальных», незавершенных текстов, текстов с не устоявшимися значениями, значительно увеличившимся за последние три десятилетия объемом историографической литературы, богатым разнообразием существующих интерпретационных схем. Использование «новых» методов дает возможность пересмотреть существующие модели истории русской философии, отказаться от взгляда на русскую философию как череду влияний и заимствований; предложить новую периодизацию истории русской философии. В частности, «коллективная биография» раскрывает динамическую сторону истории науки, пути формирования научных школ, межпоколенческих связей, влияние внефилософского контекста на работу ученого и др. Биографика воссоздает «типичный путь» ученого и «нормальный образ» науки для конкретной области знания, опираясь как на качественные, так и на количественные характеристики. Значение рассматриваемых методов для русской философии состоит в расширении верифицируемого историко-философского знания, выявлении актуального содержания русской философии, которое может быть востребовано современной философией; формировании более объемного представления об историко-философском процессе: не только о персоналиях, но и поколениях, школах и т. п.; не только интерпретация идей, но и экспликация контекста (исторического, биографического, социального, культурного).

Ключевые слова: русская философия, методология, история философии, реконструкция, полилог, интеркультурность, контекст, реактуализация, маргинализация, коллективная биография, просопография.

История русской философии насчитывает более полутора столетий. Интенсивные ее исследования начались лишь в конце XIX в. Вероятно, уже можно

выделить не только школы, направления, этапы в развитии самой русской философии, но и периоды ее историографии: дореволюционный (1840–1922), эмигрантский (1922–1991), советский (1920-е — конец 1980-х), современный (после 1991 г.). 1922 и 1991 гг. не случайно выбраны в качестве рубежных дат. И дело здесь не в «философском пароходе» и крахе Советского Союза. В 1922 г. были опубликованы «Очерк развития русской философии» Г.Г.Шпета и «Пути развития русской философии» М.Н.Ершова, завершающие первый этап осмысления русской философии, начавшийся с «Русской философии» (1840) архимандрита Гавриила (Воскресенского). В том же году в Берлине вышли «Очерки русской философии» Б.В.Яковенко, положившие начало зарубежной историографии. В 1991 г. в Петербурге ушел из жизни последний крупный эмигрантский историк русской философии Н.П.Полторацкий. Обобщающих трудов по историографии русской философии практически нет. Тщательное изучение историографии даст возможность уточнить и откорректировать периодизацию. Объем исследовательской литературы уже достиг уровня, позволяющего предложить новые формы осмысления и обобщения русской философии, оценить как сильные, так и слабые стороны существующей историографии. В частности, следует отметить идеологическую зависимость советской историографии, так же как и склонность к следованию философской моде современных работ. Коллективные обобщающие труды по русской философии отличаются подробностью и глубиной трактовок отдельных направлений и персоналий при отсутствии целостного взгляда на историко-философский процесс в России. В то же время авторские работы по истории русской философии, напротив, страдают схематизмом и нередко — значительными содержательными лакунами, хотя и предлагают более концептуальное прочтение русской философии. Казалось бы, обязательное для историка философии знакомство с историографией вопроса до сих пор не стало нормой современных исследований. Нередко сведения уважаемых авторов о существующей литературе ограничиваются их собственными произведениями, а исследование сводится к пересказу текстов изучаемого философа. Все это, конечно, не способствует наращению историко-философского знания, приводит к ошибкам и откровенным нелепостям.

Последние три десятилетия активно переиздавались труды русских философов и исследования о них, в том числе в виде целых серий (приложение к журналу «Вопросы философии» «Из истории отечественной философской мысли», серия «Русский путь» Русской христианской гуманитарной академии, издания Института русской цивилизации, серия «Философы России первой половины XX века» Института философии РАН, Фонда им. Г.П.Щедровицкого и издательства «РОССПЭН» и др.). Однако до сих пор крайне мало критических изданий сочинений русских мыслителей. Можно назвать лишь собрания сочинений отдельных мыслителей: Н.Ф.Федорова, В.В.Розанова, В.С.Соловьева, И.С.Аксакова, Ю.Ф.Самарина, К.Н.Леонтьева, М.М.Бахтина, С.Л.Франка. Причем большинство из них не завершены до сих пор. Значительные материалы по истории русской философии хранятся в отечественных и зарубежных архивах. Их освоение современными учеными, можно сказать, еще только начинается.

До сих пор историки философии пользовались традиционными методами работы с текстом: критический анализ источников и существующей историографии; герменевтико-текстологический анализ; контекстуальный анализ, дополняющий

биографическое описание; концептуализация учения мыслителя, предполагающая выявление основных понятий, идей, категорий, и их интерпретация, направленная на то, чтобы показать внутреннюю логику философского учения и, по возможности, ее систематическую целостность (или, напротив, противоречивость). Однако новые источники (прежде всего архивные), первичный уровень осмысления, достигнутый в существующих исследованиях, общий объем информации и установленных фактов, богатство интерпретационных схем делают насущным расширение методологического аппарата современного историка русской философии. В последнее время при изучении русской философии активно стали применяться новые методы: историко-философская реконструкция, интеркультурная методология (философия полилога), метод реактуализации содержания, коллективная биография.

Публикация текстов из архивов философов, помимо не увидевших свет при жизни авторов трудов, материалов личного происхождения (дневники, письма, воспоминания, автобиографии, отчеты и т.п.), предполагает также издание неоконченных работ, черновых набросков, конспектов лекций, нередко различных вариантов или даже фрагментов одного и того же текста. Перед историком философии стоит задача не столько воспроизвести архивный источник со всеми его вариациями и дополнениями, сколько воссоздать философский текст, передающий мысль автора. Интерпретационные возможности публикатора ограничены здесь компоновкой текста и установлением смысловой последовательности фрагментов при максимальном сохранении авторского текста. В то же время фрагментарность источника требует смысловых связей, пояснений, комментариев, воссоздающих идейное единство текста, т.е. его смысловой реконструкции. Историко-философская реконструкция, по словам Т.Г.Щедринной, означает «осмысление опубликованного текстуального массива не только как “прошлого”, но и как философской современности, т.е. выявления проблемного комплекса русской философии как целостного феномена» [1, с.131]. Историко-философская реконструкция — творческая работа; она не просто вводит в научный оборот новые тексты, она их, по существу, создает. «Ни скобки, ни иные обозначения вторжения публикатора в текст не дают нам подлинности документа. Если человек хочет посмотреть не смысл работы, а сами рукописи, то архив открыт, можно работать, создавать иные реконструкции и создавать иные прочтения. Реконструкция, как и перевод, — это авторская вещь» [2, с.17]. Надо понимать, что перед издателем маргиналий и разного рода «неустойчивых текстов» стоит задача стабилизировать значения текста. Реконструкция здесь сводится к формулированию смысловой модели текста, которая уже поддается дальнейшей интерпретации и воспроизводству смыслов [3, с.119]. Реконструированный таким образом текст становится доступен для верификации учения того или иного философа. Введенные в научный оборот архивные тексты позволяют лучше понять творческую эволюцию взглядов данного мыслителя и рассмотреть в новом свете его ранее опубликованные работы. Кроме того, архивные источники, особенно эпистолярное наследие и мемуары, воссоздают более целостный контекст интеллектуального и культурного окружения философа, в результате чего открываются новые страницы жизненной и творческой биографии других мыслителей. Это, в свою очередь, помогает проследить взаимовлияние философов и восприятие тех или иных идей и концепций в различной среде. К этому

следует добавить необходимость установления возможно полной библиографии философов, поскольку многие из них, особенно эмигрантского периода, писали и публиковали свои сочинения не только на русском, но и на немецком, французском, английском, голландском, итальянском, чешском, словацком, польском, литовском и др. языках. Перед исследователями стоит также задача осуществления перевода (а значит, и интерпретации) малоизвестных или практически неизвестных текстов на русский язык, чтобы произведения классиков русской философии стали доступны широкому кругу читателей и исследователей.

К новым подходам историко-философского исследования следует отнести интеркультурную методологию (философию полилога), которая исходит из представления о равноправии и дополнительности различных философских традиций, школ, направлений, признает разнообразие путей достижения истины, полагает тесную связь философского мышления с тем типом культуры, общества и мировоззрения, которые его иницируют и в нем находят свое смысловое осуществление [4, с. 8]. Исторически и жанрово русская мысль принимала многообразные формы выражения — от литературно-поэтических опытов, «писем» (посланий, челобитных и т. д.), поучительных слов и наставлений до категориально строгих философских трактатов. Этот широкий культурный контекст самообнаружения философского мышления в слове, его воплощающем и актуализирующем, востребует сродные ему формы исследовательских практик. Применение интеркультурной методологии в связи с этим означает пересмотр существующих версий истории и современного состояния русской философской мысли, исторически сформированных под сильным влиянием западноевропейского историко-философского нарратива, т. е. отказ от взгляда на развитие русской философии как череду влияний и заимствований. Напротив, всякое влияние может быть рассмотрено как актуальное преобразование в языке философской мысли, открывающее поле возможностей, требующих собственного актуального осмысления, что и подразумевает методологическая стратегия философского полилога.

Философия полилога постепенно обретает признание и свое место в современной философии [5]. Ее применение к истории русской философии означает разработку новой модели историко-философского процесса в России, ориентирующейся на философию как форму национально-самобытного мышления, а не как на прямую рецепцию и повторение чужих идей. Философия понимается здесь как самостоятельное промысливание исторических идей философии и выработка новых стратегий интеллектуального поиска. Методология интеркультурности, с одной стороны, исходит из убеждения в принципиальной универсальности философского мышления и его конвертируемости в различные национальные традиции, школы и направления, а с другой стороны, видит исток различий национальных философий в культурной, социальной и религиозной обусловленности мышления. Контекстуальность философского мышления как «становящегося разума истины» (В. С. Соловьев) делает неизбежным обращение к междисциплинарным исследованиям.

Отказ от рассмотрения истории русской философии как череды заимствований и влияний не означает отрицание таких влияний. Исследовательская задача состоит в том, чтобы принимая и признавая неизбежность заимствований в русской философии, вынести за скобки само заимствованное содержание мысли и по-

смотреть, что в этом случае остается от «русской философии». Не останавливаться лишь на вопросах: насколько адекватно или корректно русские философы воспроизвели те или иные западные концепции, а что из их рассуждений имеет непреходящее значение для философии, может послужить дальнейшему продумыванию. Выявить такие смысловые концепты, показать их востребованность в современной философии невозможно без анализа языка русской философии, без экспликации ее категориального аппарата и того типа мышления, который в ней реализовался. Поэтому принципиальная задача методологи полилога — вернуть в современную философию понятия русской философии (русских философов), сделать их материей современного философского мышления. Это позволит преодолеть парадоксальную ситуацию, сложившуюся в отечественной философии, когда существует «русская философия» как учебная дисциплина и область историко-философских исследований, но нет «русских философов»; когда философы, мыслящие на русском языке, не сознают себя русскими философами, не связаны с традицией русской мысли.

В данном случае речь идет не о возобновлении споров западников и славянофилов, отзвучавших в XIX в., и даже не о парадигмальности для русской мысли символизируемых ими позиций. Возвращение к этим спорам было бы явным анахронизмом. Отсылка к славянофилам указывает лишь на то, что их философия впервые в русской культуре стала претендовать на выражение национального самосознания.

Русская философия пережила соблазны и национализма, и интернационализма, хотя, возможно, и не изжила их вполне. Пришла пора ей обрести собственный голос, «перестать казаться и начать быть». По словам В. С. Соловьева, «существенная особенность философского умозрения состоит в стремлении к безусловной *достоверности*, испытанной свободным и последовательным (до конца идущим) мышлением» [6, с. 762]. Необходимо услышать голос русской философии в ее истории. Русская философия неоднократно приступала к этой задаче, начиная с тех же славянофилов. Однако избыть эту задачу невозможно, поскольку она требует воспроизведения в каждую эпоху, потому что существо этой задачи — усилие самостоятельной мысли.

Философский полилог стремится не столько к переосмыслению, сколько к промысливанию заново и тем самым реактуализации, оживлению, а если понадобится — и домысливанию философских идей и концепций прошлого. История философии перерастает самое себя и становится собственно философией. Философский полилог допускает творческий синтез философских традиций. История философии для него — живое и оплодотворяющее начало самой философии. Одна из задач интеркультурной методологии состоит в том, чтобы отделить вселенскую, универсальную основу философской мысли и, соответственно, русской философии от специфических форм ее проявления. Универсальные начала русского философского мышления позволят найти основу для понимания и познания различных национальных философско-культурных традиций, систем мышления и аргументации разных эпох и философских школ, а значит, относится к ним как к собеседникам, следовать за высшими достижениями мировой философии в творчестве, а не в подражании.

Если методология полилога ориентирована прежде всего на выявление положительного содержания русской философии на фоне других философских тради-

ций, то методология реактуализации/маргинализации культурно-философского содержания призвана раскрыть механизмы функционирования философских текстов, идей и концепций в культурно-историческом и идеологическом пространстве. История философии дает немало примеров как маргинализации культурного опыта, так и преодоления забвения. Доминирующие в определенную эпоху философские идеи, аргументативные модели и т. п. при смене идеологических и культурно-исторических эпох теряют свою актуальность. И напротив, вытесненные и, казалось бы, забытые тексты обретают новое звучание. «В процессе развития культуры происходят изменения в ее содержании, вызванные постепенной — или, наоборот, революционной, резкой — заменой одних элементов (установок) на другие, что приводит к определенному изменению культурного ландшафта и уплотнению культурной памяти» [7, с. 67]. Можно вспомнить о том, насколько востребованными (с известными поправками на историко-философскую актуальность) оказались тексты старца Филофея или Юрия Крижанича в XIX в., когда их стали издавать. В памяти нынешнего поколения историков русской философии живо русское религиозно-философское возрождение рубежа XIX — начала XX вв. Смена культурных парадигм, проходивших в XX в., позволяет проследить действие механизма забвения актуальных прежде элементов культуры и припоминания того, что было вытеснено (утрата, забвение, мемориальная консервация и т. п.) [8, с. 113–114]. Историк философии вправе быть небеспристрастным, предлагать не только собственные интерпретации, но и оценки идей и личностей, выбирать в учении изучаемого мыслителя те элементы, которые он считает актуальными и востребованными как современной культурой, так и новыми стандартами мышления и функционирования информации в современном обществе. Укажем здесь на вышедшую недавно монографию А. И. Бродского о В. С. Соловьеве. А. И. Бродский предложил практическое (этическое) прочтение философии русского мыслителя в целом, попытался актуализировать его учение в связи с цивилизационными конфликтами, происходящими в современном мире [9].

Новое значение приобретают и биографические исследования. История философии не бывает безликой. В особенности «русская философия на протяжении всей своей истории... глубоко личностна» [10]. Это не только история идей, но и история людей. Для истории философии биографический метод всегда воспринимался лишь в качестве вспомогательного средства. Он не влиял на понимание философских идей, а только помогал восстановить культурный, исторический, исследовательский контекст, давал иллюстративный материал, оживляющий сдержанность философского нарратива. Однако историк философии должен сознавать, что философ не мыслит в пустоте. Его мысль живет в двух временных измерениях: историческом и биографическом. С этой стороны новая философская биографика солидаризируется с методологией полилога, видит в философии не только усилие индивидуальной мысли, но и духовный портрет целого поколения. Философские идеи также знаменуют эпохи, как и герои литературных произведений воплощают социальные типы. Каждое поколение отличается своим типом мышления, философскими ориентирами, понятийным жаргоном. «Биография драматически развивается в пространстве напряженного взаимодействия исторического и социального», — пишет Л. Е. Артамошкина, рассматривая «культурный тип» на примере литературного материала [11, с. 21]. По ее словам, «биография предстает в стату-

се реального осуществления потенциала культуры; как то, что детерминируется ее ценностями, нормами, институциями, как то, что структурирует жизнь людей данной эпохи, служит основанием их взаимной идентификации и рождает ощущение своей принадлежности качественно определенной культурной ситуации. На пересечении единичного и всеобщего у человека рождается понимание себя, смысла своих действий. Итак, культура через биографию являет себя истории и современности. Поэтому, изучая биографию, жизнь человека, мы, в сущности, изучаем, как и чем представлена культура в ней и что сам актер культуры смог реализовать из ее потенциала. Биография суть живой и особый язык культуры» [12, с. 62]. Биографический подход позволяет не только рассматривать историю философии по школам и направлениям, но и дифференцировать ее в зависимости от смены поколений. В этом ключе философия предстает как «собирательное дело многих» (В. С. Соловьев). Не случайно именно В. С. Соловьев, наряду с В. Ф. Эрном, считается основоположником нового жанра «философской биографии» [13; 14]. «Философское сознание, — отмечал Г. Г. Шпет, — есть человеческое сознание, но не человека, а человечества, его творчество не распыленно-индивидуальное, а социально-коллективное творчество» [15, с. 19].

В биографическом ракурсе философия предстает как персонификация идей, которая раскрывает динамическую сторону философии, показывает развитие философской мысли (непоследовательность и противоречивость философских поисков, интеллектуальные озарения и т. п.). Сравнение же биографий дает возможность установить как неповторимые черты мышления, так и схожие модели рассуждений, систем аргументации, метафорических конструкций и т. д. При этом история философии задает единый стандарт описания биографии, рассматривающей жизнь человека как череду интеллектуальных исканий, духовных запросов, конфликта свободного мышления и авторитета философской традиции и т. д., а конкретный философ в таком случае становится «биографическим типом», в котором индивидуализируются эпоха (культурная, социальная) и его поколение.

В исторических науках для анализа таких «коллективных биографий» в последнее время активно используются методы просопографии. В отличие от истории философии, просопография имеет дело не с идейным содержанием текстов, а с источниками, отражающими «жизненные пути», содержащие биографические данные, которые должны быть приведены к систематизированному виду. С этой целью создаются «базы данных», позволяющие структурировать биографическую информацию по различным социальным, профессиональным или иным группам. В качестве такой группы может выступать и философское сообщество, в частности профессиональная корпорация университетских философов [16], а результатом будет воспроизведение ее «коллективной биографии». Примером применения просопографического метода к истории русской философии может служить «коллективный портрет» кафедры философии Санкт-Петербургского университета [17], историко-филологического факультета, в состав которого она входила [18], или Санкт-Петербургского университета [19].

Основная сложность и трудоемкость просопографического исследования связана с поиском и анализом документов, содержащих однотипную информацию, а также дальнейшее ее структурирование. Источниками могут выступать энциклопедии, справочники, словари, архивы, опросные листы. Итогом просопографиче-

ской работы является база данных с широкими программными возможностями. Реализация проекта создания подобной биографической базы данных, как правило, занимает не менее пяти лет. Просопографический метод позволяет, с одной стороны, изучать уникальные факты биографии, неповторяющиеся процессы, а с другой — выявлять общие для группы черты, типизирующие признаки. Получаемое в результате знание содержит не только количественную, но и качественную информацию, необходимую, например, для изучения истории и становления научных школ, профессиональных сообществ и персональных биографий. При этом такое знание будет строго верифицируемым, поскольку опирается на документальные свидетельства и установленные факты. Оно дает представление и об особенностях научной работы той или иной профессиональной группы, в частности университетских преподавателей философии; демонстрирует исследовательские предпочтения, смену тематик, динамику научной продуктивности, способы получения нового знания, а также позволяет оценить вклад ученого в развитие своей отрасли науки.

Просопографический метод дает возможность полнее воспроизвести социальную историю философии, составить «коллективную биографию» определенного философского сообщества, проследить именно типические черты жизненного пути представителей этой профессиональной группы, выявить типичные механизмы коммуникации философов, правила, нормы и ценности научного сообщества. В то же время, рассматривая судьбу такой профессиональной группы в динамике, «коллективная биография» способна выявить влияние внеакадемического контекста: социального, бытового, идеологического, политического, культурного и т. д., лучше понять происходившие изменения и их последовательность, оценить их значение (положительное или негативное). База данных допускает исследование динамики изменений в профессиональной группе в определенный период, показывает «коллективную биографию» научного сообщества в развитии.

Просопографическое исследование истории философии следует отнести к интегративному и междисциплинарному подходу, поскольку он предусматривает использование статистических, наукометрических, библиографических, клиометрических методов. «Коллективная биография», выявляя типический путь в науке, может компенсировать наукометрический способ презентации знания и оценки эффективности научной деятельности. Она показывает «нормальный образ» науки для определенной области знания, делает наглядной специфику дисциплины, в том числе и чисто количественную. Таким образом, она существенно корректирует оценку науки теми, кто рассматривает ее «по внешним результатам, по “превращенным формам”, в которых “затух” конкретный труд ученого» [20, с. 181]. «Коллективная биография» раскрывает динамическую сторону истории философии как историю научного сообщества, дополняет наукометрическую интерпретацию, обнаруживая философскую и историко-философскую востребованность (частота упоминаний и цитирований, тиражи и переиздания и т. д.) работы ученого, научной школы, философского направления, оценивает инновационное значение исследователя и отчасти влияние внешних факторов и т. п.

Перечисленные методы можно назвать «новыми» лишь в том смысле, что они редко используются в отношении истории русской философии и даже вызывают непонимание. Их применение не отменяет традиционных способов работы с философскими текстами и устоявшиеся формы историко-философского нарратива,

а скорее дополняет их. Их использование оправдывается теми изменениями, которые происходят в истории русской философии: осознанием исторической дистанции по отношению к русской философии XIX — начала XX в., позволяющим критически оценивать ушедшую эпоху, и признанием культурной дистанции по отношению к «западной» философии. «Новые» методы раскрывают две тенденции в истории русской философии: контекстуальность философской мысли и ее социальную и культурно-историческую обусловленность, а также трансформацию истории философии в собственно философию. Главное значение «новых» методов — вернуть в историю философии смысл, сделать историю философии философией. Если для XX в. была характерна тенденция ограничения (спецификации) предмета философии ее историей, то здесь заметно встречное движение: история философии становится живой мыслью.

Литература

1. Щедрина Т. Г. Публикация или реконструкция? Проблемы текстологии в историко-философском исследовании // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 130–140.
2. Методологические проблемы публикации философских текстов. Материалы конференции — круглого стола / Пружинин Б. И., Автономова Н. С., Артемьева Т. В., Кантор В. К., Михайлов И. А., Пастернак Е. В., Порус В. Н., Разумовский И. С., Рыскельдиева Л. Т., Смирнов А. В., Щедрина Т. Г., Янцен В. В. // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 5–50.
3. Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Интерпретация и методологическая норма // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4. С. 117–122.
4. Малинов А. В. Философия полилога // Философский полилог. 2017. № 1. С. 7–11.
5. Назарова О. А. Концепция интеркультурной философии и ее возможная рецепция в контексте исследования русской философии // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. 2016. Вып. 20. С. 7–18.
6. Соловьев В. С. Первое начало теоретической философии // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 758–797.
7. Троицкий С. А. Проблема терминологической точности при изучении зон культурного отчуждения // Новое литературное обозрение. 2015. № 133. С. 66–75.
8. Малинов А. В., Пешиперова И. Ю. Граница и метод // Studia Culturae. 2017. Вып. 2 (32). С. 111–118.
9. Бродский А. И. Владимир Соловьев. СПб.: Наука, 2017. 255 с.
10. Пиркова О. Д. Проблема личностной идентичности в русской философской эмиграции // Русская философия: история, методология, жизнь / ред. Г. Аляев, Т. Суходуб. Полтава: АСМИ, 2011. С. 800–807.
11. Артамошкина Л. Е. Биография поколения как форма коллективной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2008. Вып. 3. С. 16–23.
12. Артамошкина Л. Е. Генеративный принцип биографического текста культуры // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. № 4. С. 61–69.
13. Полякова И. А. Философская биография: Владимир Соловьев и Владимир Эрн как новаторы жанра // Соловьевские исследования. 2011. Вып. 4 (32). С. 146–156.
14. Polyakova I. Drama of Life: Philosophical Biography as an Event in Russian Culture // Cultura. International Journal of Philosophy of Culture and Axiology. 2011. № 8 (2). P. 177–188.
14. Шплет Г. Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Часть первая. Материалы / отв. ред.-сост., предисл., коммент., археогр. работа и реконструкция Т. Г. Щедриной. М.; СПб.: Университетская книга, 2014. 510 с.
15. Малинов А. В. Сетевой ресурс «Биографический словарь философов Петербургского университета» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 4. С. 153–154.
16. Ростовцев Е. А., Сидорчук И. А. Кафедра философии Петербургского университета (1819–1917) // Философские науки. 2016. № 3. С. 135–147.
17. Ростовцев Е. А., Баринов Д. А. Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819–1917) // Клио. 2013. № 10 (82). С. 36–41.

18. Ростовцев Е. А., Баринов Д. А., Кривоноженко А. Ф., Сидорчук И. В. Академическая корпорация столичного университета (1884–1917) в фокусе историографии // Клио. 2012. № 7 (67). С. 47–62.
19. Курпьянов В. А., Шиповалова Л. В. Кризис репрезентации. Как возможен успешный исход? Случай наукометрии // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 171–187.

Статья поступила в редакцию 17 июля 2018 г.;
рекомендована в печать 7 февраля 2019 г.

Контактная информация:

Малинов Алексей Валерьевич — д-р филос. наук, проф.; a.malinov@spbu.ru
Оболевич Тереза — Dr. habil., проф.; tereza.obolevich@upjp2.edu.pl

On “new” methods of studying the history of Russian philosophy

A. V. Malinov¹, T. Obolevitch²

¹ St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² The Pontifical University of John Paul II in Krakow,
9, ul. Kanonicza, Krakow, 31-002, Poland

For citation: Malinov A. V., Obolevitch T. On “new” methods of studying the history of Russian philosophy. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, issue 2, pp. 285–296. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.205> (In Russian)

The article deals with methods of historical and philosophical research that are rarely used in contemporary works on the history of Russian philosophy: historical and philosophical reconstruction, reactualization/marginalization of philosophical content, intercultural methodology (polylogue philosophy), biography, and prosopography methods. The authors show the specificity of each method, their places in the practice of research, their heuristics for the history of Russian philosophy, and significance for expanding historical and philosophical knowledge. The relevance of applying “new” methods is based on the following facts: the reissue of basic texts of Russian thinkers has been completed, there is active work in archives leading to the introduction of “marginal” texts, i.e. unfinished texts with unestablished meanings, into the scholarly circulation, and the range of historiographical literature with a rich variety of existing interpretational schemes has significantly increased in the last three decades. The use of “new” methods makes it possible to revise existing models of the history of Russian philosophy, to abandon the view of Russian philosophy as a series of influences and borrowings, and to propose a new periodization of the history of Russian philosophy. In particular, the method of “collective biography” reveals the dynamic side of the history of science, ways of forming scientific schools, intergenerational connections, and the influence of the non-philosophical context on scholarly work. The significance of methods for Russian philosophy covers a range of aspects: expanding verified historical and philosophical knowledge; showing the actual content of Russian philosophy that may be in demand in modern philosophy; forming a more comprehensive view on the historical and philosophical process concerning not only personalities, but also generations, schools, etc.; and the explication of the context (historical, biographical, social, cultural) as well as interpretation of ideas.

Keywords: Russian philosophy, methodology, history of philosophy, reconstruction, polylogue, interculturality, context, reactivation, marginalization, collective biography, prosopography.

References

1. Shhedrina, T. G. (2008), "Publikatsiia ili rekonstruktsiia? Problemy tekstologii v istoriko-filosofskom issledovanii" [Publication or reconstruction? Problems of textuality in the historical and philosophical study], in *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 130–140. (In Russian)
2. "Metodologicheskie problemy publikatsii filosofskikh tekstov. Materialy konferentsii — kruglogo stola," (2006), [Methodological problems of publishing philosophical texts. Materials of the conference — round table], Pruzhinin B.I., Avtonomova N.S., Artem'eva T.V., Kantor V.K., Mikhailov I.A., Paster-nak E.V., Porus V.N., Razumovskii I.S., Ryskel'dieva L.T., Smirnov A.V., Shhedrina T.G., Iantsen V.V., *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 5–50.
3. Pruzhinin, B.I. and Shhedrina, T.G. (2013), "Interpretatsiia i metodologicheskaia norma" [Interpre-tation and methodological norm], *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4, pp. 117–122.
4. Malinov, A.V. (2017), "Filosofia poliloga" [Philosophy of the polylogue], *Filosofskii polilog*, no. 1, pp. 7–11.
5. Nazarova, O.A. (2016), "Kontseptsii interkul'turnoi filosofii i ee vozmozhnaia retseptsii v kontekste issledovaniia russkoi filosofii" [The concept of intercultural philosophy and its possible reception in the context of the study of Russian philosophy], *Mysl'. Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*, is. 20, pp. 7–18.
6. Solov'ev, V.S. (1990), "Pervoe nachalo teoreticheskoi filosofii" [The first beginning of theoretical phi-losophy], in Solov'ev V.S. *Sochineniia* [Works], in 2 vols., Mysl' Publ., Moscow, pp. 758–797.
7. Troiczkij, S.A. (2015), "Problema terminologicheskoi tochnosti pri izuchenii zon kul'turnogo otchu-zhdeniia" [The problem of terminological accuracy in the study of zones of cultural exclusion], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 133, pp. 66–75.
8. Malinov, A.V. and Peshperova, I.Yu. (2017), "Granitsa i metod" [Boundary and method], in *Studia Culturae*, is. 2 (32), pp. 111–118.
9. Brodskij A.I. (2017), *Vladimir Solov'ev* [Vladimir Solovyov], Nauka Publ., St. Petersburg, Russia.
10. Pirkova, O.D. (2011), "Problema lichnostnoi identichnosti v russkoi filosofskoi emigratsii" [The problems of the personal identity in Russian philosophical emigration], in *Russkaia filosofia: istoriia, metodologiia, zhizn'* [Russian philosophy: history, methodology, life], eds G. Alyaev, T. Sukhodub, ASMI Publ., Poltava, pp. 800–807.
11. Artamoshkina, L.E. (2008), "Biografiia pokoleniia kak forma kollektivnoi identichnosti" [Biography of the generation as a form of collective identity], in *Vestnik of Saint Petersburg University*, ser. 6, Philosophy, political science, sociology, psychology, law, international relations, is. 3, pp. 16–23.
12. Artamoshkina, L.E. (2013), "Generativnyi printsip biograficheskogo teksta kul'tury" [Generative principle of biographical text culture], in *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*, no. 4, pp. 61–69.
13. Polyakova, I.A. (2011), "Filosofskaia biografiia: Vladimir Solov'ev i Vladimir Ern kak novatory zhanra" [Philosophical biography: Vladimir Solovyov and Vladimir Ern as the pioneers of a genre], in *Solov'evskie issledovaniia* [Solovyov studies], is. 4 (32), pp. 146–156.
14. Polyakova, I. (2011), "Drama of Life: Philosophical Biography as an Event in Russian Culture", in *Cultura. International Journal of Philosophy of Culture and Axiology*, no. 8 (2), pp. 177–188.
15. Shpet, G.G. (2014), *Istoriia kak problema logiki: Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniia. Chast' pervaiia. Materialy* [History as a problem of logic: Critical and methodological research. Part one. Materials], ed., comp., preface, comment., archaeological work and reconstruction by T.G. Shhedrina, Universitetskaia kniga Publ., Moscow, St. Petersburg, Russia.
16. Malinov, A.V. (2016), "Seteivoi resurs 'Biograficheskii slovar' filosofov Peterburgskogo universiteta'" [Network resource "Biographical Dictionary of Philosophers of St. Petersburg University"], in *Vestnik of Saint Petersburg University*, ser. 17, Philosophy. Conflictology. Culturology. Religious studies, is. 4, pp. 153–154.
17. Rostovtsev, E.A. and Sidorchuk, I.A. (2016) "Kafedra filosofii Peterburgskogo universiteta (1819–1917)" [Department of Philosophy of St. Petersburg University (1819–1917)], in *Filosofskie nauki*, no. 3, pp. 135–147.
18. Rostovtsev, E.A. and Barinov, D.A. (2013), "Historical-Philological Faculty of St. Petersburg University: Problems of Collective Biography (1819–1917)", in *Klio*, no. 10 (82), pp. 36–41.
19. Rostovtsev, E.A., Barinov, D.A., Krivonozenko, A. F. and Sidorchuk, I.V. (2012), "Akademicheskaiia korporatsiia stolichnogo universiteta (1884–1917) v fokuse istoriografii" [Academic Corporation of the University of Moscow (1884–1917) in the focus of historiography], *Klio*, no. 7 (67), pp. 47–62.

20. Kupriyanov, V. A. and Shipovalova, L. V. (2017) “Krizis reprezentatsii. Kak vozmozhen uspesnyi iskhod? Sluchai naukometrii” [The crisis of representation. How is a successful outcome possible? The case of scientometrics], *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 51, no. 1, pp. 171–187.

Received: July 17, 2018

Accepted: February 7, 2019

Author's information:

Alexey V. Malinov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; a.malinov@spbu.ru

Teresa Obolevitch — Dr. habil., Professor; tereza.obolevich@upjp2.edu.pl